

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-350-371>

<https://elibrary.ru/KTRFZI>

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/20"

© 2025. Г. А. Велигорский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

г. Москва, Россия

**«Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадебки»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном
переложении П. С. Соловьевой «Куклин дом»**

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация: Статья является попыткой прочесть два художественных текста, адресованных детям, — «Сказку о двух нехороших мышках» (1904) Б. Поттер и ее перевод (а точнее, вольное стихотворное переложение) «Куклин дом» (1916), осуществленное П. С. Соловьевой, — в новом, метафорическом ключе. Анализируется, какими новыми смыслами обогащаются оба произведения, будучи увидены в контексте биографий двух писательниц, социальных перемен, сотрясавших современное им общество, новых литературных веяний и, наконец, в библейском ключе, который был особенно близок П. С. Соловьевой — сестре религиозного философа. В фокусе нашего внимания окажется подъем лейбористского движения в Великобритании, русская революция, наконец, притча о зерне и о возрождении через гибель — слои, которые, на наш взгляд, сокрыты в этой простой на первый взгляд сказке. Все они связаны с образом кукольного дома — игрушечной «усадебки», того костяка, вокруг которого строится сюжет обоих произведений.

Ключевые слова: Б. Поттер, П. С. Соловьева, «Сказка о двух нехороших мышках», «Куклин дом», усадьба, лейбористское движение.

Информация об авторе: Георгий Александрович Велигорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

Дата поступления статьи: 06.07.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 12.08.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Велигорский Г. А. «Пусть погибнет Куклин дом!»: образ игрушечной «усадебки» в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении П. С. Соловьевой «Куклин дом» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 350–371. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-350-371>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 350–371. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 350–371. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. George A. Veligorsky
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“Let the Dolls’ House Perish!”: The Image of a Toy “Estate” in “The Tale of Two Bad Mice” by B. Potter and Its Poetic Arrangement “The Dolls’ House” by P. S. Solovieva

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

Abstract: This article is an attempt to read two literary texts addressed to children, “The Tale of Two Bad Mice” (1904) by B. Potter and its translation (or rather, free verse retelling) “The Dolls’ House” (1916) by P. S. Solovieva, in a new, metaphorical key. We will pay attention to what new meanings are enriched in both works, being seen in the context of the biographies of the two writers, the social changes that shook the society of their time, new literary trends, and, finally, in the biblical key, which was especially close to P. S. Solovieva, the sister of a religious philosopher. Our focus will be on the rise of the Labor movement in Great Britain and the Russian Revolution, and finally, the parable of the grain and the rebirth through destruction — layers that, in our opinion, are hidden in this simple at first glance fairy tale. All of them, as we will see, are connected with the image of a doll’s house — a toy “estate,” the skeleton around which the plot of both works is built.

Keywords: B. Potter, P. S. Solov’ova, “The Tale of Two Bad Mice,” “Dolls’ House,” estate, Labor movement.

Information about the author: George A. Veligorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

E-mail: screamer90@mail.ru

Received: July 06, 2025

Approved after reviewing: August 12, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Veligorsky, G. A. “‘Let the Dolls’ House Perish!’: The Image of a Toy ‘Estate’ in ‘The Tale of Two Bad Mice’ by B. Potter and Its Poetic Arrangement ‘The Dolls’ House’ by P. S. Solovieva.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 350–371. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-350-371>

«Сказка о двух нехороших мышках» (“The Tale of Two Bad Mice”, 1904) британской писательницы Беатрис Поттер и ее переложение-перевод «Куклин дом» (1916), осуществленное П. С. Соловьевой, — сочинения, практически не исследованные в отечественной научной среде, а потому открытые для новых трактовок. В наших предыдущих статьях мы уже подробно разобрали историю публикации этих произведений, проанализировали переводческие стратегии, которые избрала Соловьева, создавая свои версии сказки Поттер, подробно рассмотрели различные приемы, способы доместикации и т. д. [см.: Велигорский; Велигорский, Кузнецова]. На этот раз мы сфокусируемся на смысловых нововведениях переводчицы, проникающих в текст на символическом, онтологическом и мифопоэтическом уровнях. Особенно важным для нас является то, что все они сосредоточены вокруг образа кукольного домика — «усадьбы в миниатюре», которая получает многообразные толкования и трактовки.

Жизнь английской художницы и писательницы Беатрис Поттер (1866–1943) с самых юных лет была прочно связана с миром усадьбы. Прочно — но не неразрывно. Детство ее прошло в сером четырехэтажном доме на улице Болтон-Гарденс, в Западном Бромптоне в Вест-Энде. Детская находилась на верхнем этаже, под самой крышей, запиралась на ключ и задвижку, а свет с улицы проникал через зарешеченные окошки (традиционные меры викторианской предосторожности), отчего комната скорее напоминала тюрьму [см.: DeWilde: 16]. Многие годы спустя писательница в сердцах назовет этот дом «моя ненавистная колыбель» [цит. по: Lane 1946: 89], а образы Лондона неспроста так и не появятся в ее художественных произведениях.

Но был в жизни юной Беатрис и другой мир. Начиная с 1872 г. ее семья проводила лето в усадьбе Далгис (Dàil Ghiuthais), близ городка Данкелд в Центральной Шотландии. То был трехэтажный старинный дом, возведенный еще при Стюартах, — крашенный белой краской, с

купами труб над крышей и французскими окнами, из которых открывался вид на окрестности. Местность, раскинувшаяся вокруг, сыграла ключевую роль в формировании уникального воображения будущей художницы и писательницы — «виды и звуки, доносившиеся с широких распаханых полей, от далеких рощ, где розовыми цветочками распускались каштаны», «птичье пение и цветы, деревенские хлопоты, животные — обитатели фермы, радость от парного молока, теплые, только снесенные яйца и уютный огонек в очаге» [Lear: 25–26]. Гуляя по окрестным лесам, юная Беатрис делала зарисовки. Ее карандаш умело схватывал то, что видели жадные до новизны детские глаза: зеленые перелески, рыжие или пунцовые кусты, тронутые первыми красками осени; домики под покатыми голубыми крышами (один из них был подписан как «маслобойня герцогини Алхолл»), птичьи яйца, эскизы бабочек и жуков, причудливые мохнатые гусеницы. На полях против рисуночков появлялись описания — еще наивные, но выдающие порой глаз будущего ученого-натуралиста: «Тигровая гусеница, питается крапивой и боярышником; можно увидеть в июне, когда они черные, белые и красные. Можно найти *на обочине дорог и проселков*» (Курсив автора. — Г. В.) [Potter 1874: 30]¹. В этом доме у Поттер возник, еще совсем вчерне, замысел историй про кролика Питера и ящерицу Джереми-рыболова, а одна местная жительница, прачка Китти Макдоналд, послужила прообразом для ежихи Тигги-Уф [см.: Taylor: 57].

Были в жизни писательницы и другие усадьбы — к примеру, Утесник (Gorse Hall) в городке Стэлибридж, графство Большой Манчестер в Центральной Англии. С этим домом оказались связаны первые детские воспоминания Беатрис; особенно ей нравился «мшистый запах, а еще — пылинки, танцующие в косых лучах солнца, что проникали в чердачное окно». «Интересно, отчего дома так по-разному пахнут? — заметит годы спустя писательница. — Пожалуй, первое, что мы замечаем, прибыв на новое место — это его запахи, а еще — насколько обилён свет» [цит. по: Lear: 26]. Был и Лингольм (Lingholm) — деревенский дом, где Поттер проводила каждое лето в 1885–1907 гг. — и сад, послуживший «вдохновением» для сада мистера МакГрегора — места,

¹ Блокнот, в который она восьмилетней девочкой заносила рисунки, сохранился до наших дней: ныне он выставляется в музее Виктории и Альберта.

где проходит «инициацию» кролик Питер. Еще была усадьба Кэмфилд-плейс (Camfield Place), дом, который дедушка Беатрис купил в год ее рождения:

превосходное место, где всякий предмет составляет часть единого целого: и бой часов на конюшне, и проникающий повсюду запах свежего сена, и шум с дальней фермы; ощущение полноты и покоя, честного богатства, расходуемого с умом; благотворительность без хвастовства, роскошь без гордыни <...> [цит. по: Carpenter: 113].

Был, наконец, замок Рей (Wray) в Озерном крае, где Поттер гостила в 1892 г., — серое здание в неоготическом стиле на берегу озера Уиндермир. Впоследствии она выкупит землю вокруг него, в том числе домик, известный как Топ-Хилл, или Ферма-на-Макушке-Холма (Hill Top Farm), и заведет там хозяйство; после кончины писательницы в 1943 г. эти земли, согласно ее завещанию, отойдут государству, под охрану Национального фонда. (Истории этого удивительного подарка посвящена большая глава в монографии М. Келли «Женщины, которые сберегли для нас Англию» [см.: Kelly: 77–152].)

Объединяясь в единое целое, эти «памятные места» образовывали уникальный мир английской деревни — многообразный, яркий, богатый цветами и запахами, с шотландским говорком, населенный необычными обитателями; были здесь и домики — с муслиновыми занавесками на окнах, кухни с деревянными балками, с которых свисали окорока и сетки с репчатым луком, полы, выложенные кирпичом, длинные узкие коридоры, кресла-качалки у камина, полные закрома — образ «той самой Англии», которая навсегда будет утрачена после Великой войны. Недаром в период 1914–1918 гг. Поттер не публикует ни одной сказки, хотя рынок детской литературы в те годы активно существовал [см.: Paul, Johnston, Short], — а впоследствии усадьба и во все исчезнет из ее произведений: останется только в воспоминаниях, в переписке с друзьями, в заметках о былом — и, конечно, в деловых записях, посвященных жизни на собственной ферме.

При таких биографических предпосылках стоит ли удивляться, что практически все ранние, довоенные, произведения Поттер прочно связаны с деревенским миром. Действие их происходит либо на ферме («Сказка о кролике Питере» (1902), «Сказка о Бенджамине Банни»

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.
Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбы»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

(1904), «Сказка о мясном пироге» (1905) и др.), либо в сельской местности («Сказка про миссис Тигги-Уф» (1905), «Сказка об утке Джеммайме» (1908), «Сказка о поросенке Лапушке» (1913) и др.), либо в английской провинции («Портняжка из Глостера» (1903), «Сказка о Джонни, городском мышонке» (1918) и проч.), небольших городках с узкими улочками, горбатыми мостиками над рекой, живописными магазинчиками, — городках, которые на годы вперед станут местом действия английских животных сказок. Этот сказочный мир наполнен «усадьбами» — от небольшого уютного домика портнихи мисс Тигги-Уф и до кошмарного обиталища барсука Томми Брока, напоминающего скорее замок Людоеда из сказок Ш. Перро или братьев Гримм. Родной дом в таких сказках становится местом силы, увлекательных приключений, а в поздних историях — точкой, откуда начинается путь героя в большой, неизведанный мир.

Как мы уже отметили, городской антураж был не близок писательнице и крайне редко проникал в ее сочинения. Однако исключения есть. Помимо двух упомянутых сказок, действие которых происходит в небольших городках, есть и «Сказка о двух нехороших мышках» (“The Tale of Two Bad Mice”, 1904), где в центре сюжета оказывается городская «усадьба» — кукольный дом, посещаемый внезапными визитерами.

Хотя древнейшие кукольные дома встречались еще в Древнем Египте (где они использовались, впрочем, не как игрушки, а при погребальных церемониях), их история как неизменного аксессуара детской сравнительно молода. Кукольные «усадьбы» — детализированные, богато обставленные, напоминавшие подчас целые городки — долгое время оставались привилегией дворянских детей. Один из таких домиков, принадлежавший принцессе Августе Доротее фон Шварцбург-Анштадтской (1666–1751), даже носил название “Mon Plaisir” [Wei-Ning Chen: 17] — подобно ряду европейских усадеб или элементов усадебного комплекса, в числе каковых и знаменитый «эрмитаж» в Петергофе [см.: Лихачев: 43]. Однако с наступлением промышленной революции, позволившей наладить массовое производство игрушек, ситуация решительно изменилась. К началу XIX в. кукольные дома становятся достоянием детей из среднего класса. Возникают крупные фирмы, специализирующиеся на их производстве — «Эванс и Картрайт» (1827), «Зильбер и Флеминг» (1856) и проч. Начиная с 1860-х гг., в эпоху «викторианского благоденствия», кукольные дома занимают важное место

на рынке игрушек, а реклама их порой оказывается неотличима от объявлений о продаже недвижимости [см.: Wei-Ning Chen: 78–79].

Игрушечный дом предоставлял ребенку многочисленные возможности, прежде всего — возможность игры во «взрослую жизнь». Взаимодействуя с куклами и интерьером, играющий мог детально воссоздать как городской, так и деревенский быт, при этом не покидая детской. К такому дому могла прилагаться «ферма» (набор животных и деревенские строения-«службы»), изготовленная кукольным мастером или же воспроизведенная самим малышом. Для этой цели, к примеру, могли использоваться фигурки из «Ноева ковчега» (Noah's Ark) — кстати, единственной игрушки, с которой строгие протестанты разрешали играть своим чадам в воскресный день [см.: Lindon: 20].

В то же время для викторианских писателей образ такого домика представлял широкую перспективу — от дидактических рычагов до «интеллектуального вуайеризма». Взаимодействие с ним позволяло «охватить взглядом всю домашнюю жизнь», а «крохотность» обстановки и обитателей гарантировала, что «ничего не укроется от наблюдающих глаз» [Wei-Ning Chen: 16]. Ежедневная жизнь представляла одновременно «прозрачной и хрупкой», а бытовая рутина могла быть рассмотрена с новых сторон (в том числе в сатирическом ключе) — и предоставляла играющему возможность своеобразного эскапизма¹.

Образы кукольных домов проникают в детскую литературу в конце XVIII в. Ранний пример встречаем в собрании сказок «Паутина для ловли мух» (“Cobwebs to Catch Flies”), анонимно опубликованном в 1783 г. за авторством «Госпожи Чадолубцевой» (Mrs. Lovechild); в действительности оно принадлежало перу Эллиенор Фленн (1743–1813) — знаменитой ученой дамы и педагога. Повествование в тексте выстроено как диалог между двумя девочками, разглядывающими кукольный дом; по ходу рассказа одна из них показывает другой своих кукол и попутно поясняет ей (а заодно и читателю) непонятные слова, такие как “chintz” — «набойчатый ситец». В нравоучительных повестях «голодных сороковых», к примеру, в знаменитом цикле Мэри Марты Шервуд (1775–1851) «Семья Фэйрчайлд» (“The Fairchild Family”, 1818), куколь-

¹ В XXI в. эту роль начнут исполнять видеоигры, симуляторы жизни, в первую очередь — знаменитая серия “The Sims” (существует с 2000 г.).

ный дом оказывается игрушкой богатой девочки, которая не позволяет подружкам в него играть — и после этого несет наказание.

Взаимодействие кукол с мышами или иными домашними обитателями также становится популярным мотивом в историях о кукольных домах, причем животные в них неизменно выступают агрессорами. В этой связи можно вспомнить сказку Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный Король» (1816, первый англ. пер. — 1840) или, к примеру, рассказ Гертруды Хантингтон «Трагедия на мезонине» (“A Tragedy in the Garret”), напечатанный в «Журнале святого Николая» в апреле 1882 г. В нем описывалось, как забытый на чердаке игрушечный дом уничтожается неожиданными визитерами: «Вся мебель была раскидана там и тут и безнадежно испорчена; стены обрушились; бедных кукол таскали по всему чердаку, а потом растерзали и разорвали на куски их безжалостные захватчицы — крысы» [Huntington: 467]. (Тема нежеланных гостей будет близка и Б. Поттер: писательница разовьет ее в «Сказке о Мышке Малютке» (“The Tale of Mrs. Tittlemouse”, 1910), еще одном «герметическом» усадебном тексте.)

В свою очередь, сказка Поттер, опубликованная в 1904 г., послужила импульсом к развитию этого сюжета. Мотив «взаимодействия кукол с грызунами» будет развиваться впоследствии уже в позитивном ключе; добрососедским отношениям игрушек и крыс будут посвящены повесть Роуз Файлмен «Кукольный дом» (“The Dolls’ House”, 1930), детский роман Энид Блайтон «Мышка Мэри и кукольный домик» (“Mary Mouse and the Dolls’ House”, 1942) и проч. [см.: Wei-Ning Chen: 164].

Перевод «Сказки о двух нехороших мышках», осуществленный П. С. Соловьевой и озаглавленный «Куклин дом», увидел свет в 1916 г. В то время писательница жила в Коктебеле, докуда доносилось и эхо далекой войны; здесь чувствовалось ощущение пронизавшей весь мир зыбкости, жизни, ускользающей из рук, — и грядущей неотвратимой катастрофы. Именно потому, на наш взгляд, в ее переводе оказались высвечены мотивы, которые отсутствуют в оригинальной сказке Б. Поттер, но которые весьма характерны для обстановки, в которой он создавался.

Напомним, что Соловьева не столько перевела небольшую сказку Поттер, сколько взяла ее сюжет для создания собственного произведения, снабдив его богатыми рифмами, авторскими образами и проч. Она ввела членение на главы, что позволило воспринимать эту сказку

как микро-роман в стихах — жанр, представленный в русской литературе многочисленными произведениями об усадьбах.

Как мы уже писали ранее, при переводе П. С. Соловьева прибегала к доместикации, адаптируя многие иллюстрации [см.: Велигорский, Кузнецова: 328–329]; некоторые из них, на наш взгляд, приобретают новое «звучание», если рассматривать их в усадебном ключе. Обратим внимание на нерассмотренный нами прежде пример. На одной из картинок, изображающей обстановку в домике кукол, в том числе — разбросанные на полу игрушки, Соловьева подрисовывает ракетку для бадминтона, волан и прыгалки [см.: Соловьева: 6]. Эти развлечения не были распространены в эдвардианской Англии: пик популярности бадминтона (или, как назывался он среди англичан, «волан и ракетка») пришелся на 1890-е гг., после чего его вытеснила «вторая волна» популярности крокета [см.: Charlton: 17–18]. Упоминание прыгалок также встречается редко;¹ достаточно отметить, что в книге Джулианы Хорейши Юинг (1841–1885) «Страна забытых игрушек» (“The Land of Lost Toys”, 1869) — едва ли не главном художественном компендиуме забав викторианской детворы — они упомянуты лишь мимоходом. В русскоязычной литературе XIX в. прыгалки также почти что не фигурируют, однако входят в моду как раз тогда, когда Соловьева пишет свою адаптацию (ср. подробное описание игры двух девочек, прыгающих через скакалку, в романе М. Криницкого «Случайная женщина» (1915)). Что касается бадминтона (чаще именуемого «игра в волан»), то он нередко упоминался как излюбленная забава в «дачной» и «усадебной» литературе начиная с 1850-х гг. (встречается в текстах А. С. Аксакова, М. Н. Волконского, Н. Э. Гейнце и др.).

Еще одно нововведение касается социального статуса кукол. Если у Поттер обе они являются равноправными хозяйками дома, то у Соловьевой возникает иерархия. Единоличной владелицей домика, причем «давно» уже проживающей в нем, становится кукла Юля (у Поттер — Lucinda); при этом ее основной чертой оказывается барская леность: «Никаких забот не знала, / Запускала все дела» [Соловьева: 5]; «С этой

¹ Притом можно вспомнить «взрослое» стихотворение Альфреда Теннисона «Скакалочка» (“Skipping Rope”, 1842) — сатирическом диалоге между прыгающей через скакалку девицей и назойливым обожателем, что завершается рекомендацией: «Возьмите прыгалку мою / И удавится, сэр!» (пер. М. Я. Бородицкой).

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.
Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбы»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

Юлей мне беда: / Только глазки закрывает, / А работать — никогда!» [Соловьева: 5]; «Юля ленится, хоть брось!» [Соловьева: 5], «Сразу видно, что без дела / Юля в роскоши живет» [Соловьева: 11] и т. д. Здесь мы видим типаж круглолицей мещаночки, модницы, лентяйки и неумехи, который не только будет критиковаться не только в советской литературе 1920–1930-х гг., но и подвергался критике во время написания «Куклина дома» (к примеру, в рассказах А. Т. Аверченко «Бойкий разговор» (1909) и «Жалкое существо» (1910), в романе М. Горького «Городок Окуров» (1909) и проч.).

Впрочем, и в британской литературе образ поттеровской Люсинды — куклы с пухлыми ручками и с золотистыми локонами — также весьма ехидно обыгрывался. Изображение ее как томной жеманницы встречаем в рассказе Кеннета Грэма (1859–1932) «О грехах и опилках» (“Sawdust and Sin”) из сборника «Золотые годы» (“The Golden Age”, 1895), переведенного на русский язык в 1898 г. По сюжету, миловидная, внешне приличная куколка (у Грэма она носит имя Роза) пытается противиться иноземному соблазнителю, кукле-японцу Джимми, а в действительности — хитро потакает ему; в финале рассказа Джимми уносит черный пес, которого автор исподволь уподобляет гетевскому Мефистофелю¹.

Описывая наряд, в котором Юля отправляется на прогулку, Соловьева опять-таки ориентируется на современную моду:

<...> туфельки с помпоном
И прекраснейшим фасоном
Вновь ей сшитое пальто.
А перо как завито
На огромной шляпе белой!
[Соловьева: 11]

Такие шляпы, с широкими полями и хитро положенным сверху пером, встречаются, к примеру, на первых страницах журналов «Вестник моды», «Модный свет» и т. д. Считалось, что их следует носить поверх прически «помпадур». С началом Первой Мировой войны такие при-

¹ Аллюзия прочитывается в именовании “Black Man” («Черный человек») – иносказательное обозначение дьявола.

чески «превратились в простые низко уложенные пучки», и «шляпки стали носить ниже <...>, ушли широкие поля и яркие перья предыдущих лет» [Русакова 2014]. Таким образом, Юля явно «франтит», несвоевременно одеваясь по прежней моде, чего не могли не заметить маленькие читательницы.

Вторая кукла, которую Поттер именует Jane (Джейн), также является типовой; в англоязычном мире она известна как «голландская кукла» (Dutch Doll): деревянная, суставчатая, с гнущимися деревянными руками и ногами. Такие игрушки были популярны в начале XX в., прежде всего — благодаря графической серии Флоренс Кейт Аптон (1873–1922) о приключениях плюшевого человечка Голливога и его двух спутниц, безмянных голландских кукол. Свободно путешествующие по миру, выбирающиеся из передраг и носящие короткие платица, в этих историях куклы предстают женщинами «нового типа», по сути — молодыми эмансипе. В России их похождения были практически не известны, и переводчица решила адаптировать персонажа на свой манер.

В версии Соловьевой кукла Jane, получающая имя Дуняша, обзаводится иным, более «народным» нарядом: «Пестрый ситцевый платок, / Сарафан до самых ног / И на шее бусок вязка» [Соловьева: 12]. Обновляет она и социальный статус, выступая теперь как подчиненная по отношению к Юле; «Надо ей достать прислугу» [Соловьева: 6] — так мотивирует появление новой куклы рассказчик. В версии Соловьевой Дуняша — характерный тип «ленивого слуги» (ярко представленный еще в «Обломове» И. А. Гончарова), который «заражается» ленью хозяина:

Черных глаз не закрывая
И расставив руки врозь
Молча, ножек не сгибая,
Дуня ленится — хоть брось!

[Соловьева: 7]

У Поттер мотив лени кукол отсутствует — как минимум потому, что Люсинда и Джейн не обладают у нее определенными характерами и выступают как безмолвные очевидицы произошедшего в их доме погрома.

Впрочем, есть у писательниц и смежный мотив: бутафорская обстановка в кукольном домике — и, как следствие, царящая в нем фальшь.

Этот момент многократно отмечался исследователями; к примеру, Х. Карпентер утверждал, что «Сказка о двух нехороших мышках» — это «насмешка над обществом потребления, где богатые люди живут в окружении совершенно бесполезных вещей» [Carpenter 1989: 289]. Поэтика «мнимости» и «обманчивости» крайне важна для обеих писательниц. Здесь сложно не увидеть перекличку с популярной в те годы как в Англии, так и в России драмой Генрика Ибсена «Кукольный дом» [см.: Велигорский, Кузнецова: 323, 325]. (Ради научной справедливости отметим, что это открытие, как выяснилось, принадлежит не нам: на ибсеновские аллюзии указала еще в 1996 г. Фрэнсис Армстронг в статье «Кукольный домик как светлое пространство» [Armstrong: 48].) В тексте Поттер мыши, устраивающие в доме погром, в первую очередь возмущены «иллюзорностью»: несъедобными яствами, выставленными на столах, ненастоящим огнем в камине и проч. Сохраняется этот мотив и в версии Соловьевой: «Ты взгляни, / Все обманщики они» [Соловьева: 28]; «Всё обман здесь, я ведь знал» [Соловьева: 33]. Однако русская переводчица привносит в эту сцену новый акцент: к обиде мышей, рассерженных, как и в оригинале, на «фальшь», в ее версии примешивается бунт против лени, которая претит их трудовому «пролетарскому» сознанию.

Нужно отметить, что попытки прочесть текст Б. Поттер в контексте усилившейся в конце XIX – начале XX в. лейбористской активности неоднократно предпринимались исследователями [см.: Rahn; Kutzer: 75ff]. Известно, что писательница, как и многие ее консервативно настроенные современники, с настороженностью относилась к происходящим событиям. В дневниковой записи от 16 марта 1883 г., упоминая о теракте, устроенном ирландскими радикалами, шестнадцатилетняя Поттер восклицала:

Что-то они еще взорвут?! <...> Папа говорит, это всё мистер Гладстон виноват. Он занимает сторону этих разбойников, а они, почувствовав, что он дал слабину, полегоньку его страшат. Скоро у нас будет совсем худо — как во Франции [Journal: 34–35].

Застала Поттер и знаменитую Стачку докеров 1889 г., которая также сильно встревожила ее — уже не подростка, а молодую женщину [см.: Kutzer: 27]. Подобные страхи могли найти выражение в «Сказке

о двух нехороших мышках»; их выдает авторская лексика, прежде всего — использование превосходных форм в сценах погрома: “Then those mice set to work to do all the mischief they could <...>” [Potter: 51]. Букв.: «Тогда эти мыши принялись творить все те пакости, на которые были способны». Переводчица Н. М. Демурова находит удивительно точный вариант: «Тогда мыши стали *бесчинствовать*»¹ [Поттер].

Любопытную трактовку этой истории в социальном ключе предлагает британская исследовательница Дафна Кутцер. Мыши, проникающие в кукольный дом, считает она, не плохи сами по себе: их вторжение происходит оттого, что дом «недостаточно хорошо охраняется» [Kutzer: 75]. Мотив незащитности горожанина против грабителей и бесполезности самых хитрых замков был распространен в викторианской литературе; он встречается, к примеру, в монодраме А. Теннисона «Мод» (1855). За разгром, учиненный в домике, Том-с-Пальчик (Tom Thumb) платит «кривым шестипенсовиком» (crooked sixpence), который он даже не заработал, а нашел под каминным ковром; столь малая плата, да еще и засунутая в носок, кажется скорее оскорблением, нежели попыткой искупить вину. То же обстоятельство, что Ханка-Манка (Hunca Munca) приходит каждое утро подметать полы в домике кукол, Кутцер трактует как «игру в покаяние»: ведь игрушки, живущие в нем, не разводят грязи [Kutzer: 75–76]. Добавим к тому, что Ханка-Манка, проходящая к куклам, обходит не только куклу-полицейского, но и мышеловку, поставленную няней, — а стало быть, дом по-прежнему находится под угрозой.

В отличие от Поттер, где подобный мотив присутствует только исподволь, у Соловьевой «пролетарский» характер мышек выводится на передний план. Зверьки, проникшие в кукольный домик, несомненно, бедны. После описания нарядов кукол и их роскошного выезда образы нищеты, царящей в мышинном доме, звучат особо отчетливо: «В норке с голода пищали / Трое маленьких детей» [Соловьева: 16]. Бедность мышей столь жестока, что старшие дети вынуждены, по велению матери, отдавать обед «пеленашке»: «Пустота у вас в желудке. / Лучше дайте всё малютке» [Соловьева: 18].

Мыши, пробравшиеся в дом, руководимы единственным желанием — накормить детей (и, во вторую очередь, утолить собственный го-

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Г. В.

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.
Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбы»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

лод), а поэтому столкновение с бутафорской едой оборачивается для них удивлением, а затем — обидой: «Пусть вас съест голодный кот!» [Соловьева: 24], «Зуб неймет, хоть видит око. / Это глупо и жестоко!» [Соловьева: 25]. Причем если Хруп-Хруп, как и в оригинале, лишь бранится и сердится, то Шерстинка показана как чадолюбивая мать, которой овладевает отчаяние от невозможности накормить мышат:

А Шерстинка всё хлопочет,
Всё найти съестное хочет.
Шнырит, ищет здесь и там,
На полу и по столам
[Соловьева: 31].

Если в версии Поттер Том-с-Пальчик устраивает погром, будучи рассержен, что внутри нечем поживиться, то у Хруп-Хрупа, также недовольного «фальшивостью» блюд, есть и иные мотивировки. Злобу у него вызывает беспорядок в доме, а как следствие — сибаритство и лень хозяек: «Эта глупая Дуняшка / Здесь бездельницей живет, / А кухаркою слывет» [Соловьева: 25]; «Хороша и эта Юля! / И франтит, а замазуля» [Соловьева: 25]; «Беспорядок, сор повсюду. / Перебью им всю посуду» [Соловьева: 25]. Иными словами, если персонаж Поттер вымещает свой гнев и разочарование, то у Соловьевой — творит заслуженную кару за «тунеядство». В этом деле к нему присоединяется жена, которая руководствуется опять-таки чадолюбием: «А Шерстинка помогала: / Блюда мужу подавала. / Было жалко ей детей.) / “Разобьем здесь всё скорей!”» [Соловьева: 27]. Таким образом, забавная история о хулиганстве проказливых грызунов превращается в детское изложение одного из ведущих мотивов русской литературы предреволюционной эпохи — мотива возмездия, хоть и в смягченном виде.

Комический «тарарам», устроенный мышами в кукольном домике, напоминает в обеих сказках разгул «взбесившейся черни» (мотив, распространенный в британской литературе начиная с «голодных сороковых»; вспомним, к примеру, разгром и попойку в замке герцога Моубрея, учиненные людьми Епископа Хаттона в романе Б. Дизраэли «Сибилла, или Две нации» (“Sybil, or The Two Nations”, 1845)); однако в версии Соловьевой он становится отчасти пророческим, предвосхищая скорые погромы в дворянских усадьбах: «Всё приданое —

в окно!» — / Пискнул Хруп, *сверкая взором*, / И в окно стал без разбора / Ленты, чепчики швырять» [Соловьева: 33]. Сверкающий взор мышонка подчеркивает в этой сцене его разбойничью ипостась; вспомним сверкающий взор Пугачева из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, в эпизоде в корчме, когда Гринев видит его на темных полатях (гл. II), или в повести М. Горького «Фома Гордеев» «сверкающие глаза» Игната Гордеева, которые придавали ему «сходство со сказочными разбойниками» [Горький: 21]. Тщательно (пусть и следуя при этом за Поттер) расписывает Соловьева перечень «награбленного добра», напоминающий опись «живого и мертвого инвентаря», выносимого «экспроприаторами» из дворянской усадьбы [см.: Рассказова]:

Всё мышам казалось мало.
Всё тащили, всё тянули:
И тарелки, и кастрюли,
Гребень, муфту, выбивалку,
Колебелечку-качалку,
Стульчик, щетку половую
И другую, для стола,
С громким писком, торжествуя,
Всё Шерстинка забрала
[Соловьева: 38–39].

В то же время важно отметить, что поэтесса уделяет внимание рефлексии персонажей, развивая их внутренние монологи, которые в версии Поттер намечены только контурно: «Но, перинку прогрызая / И в пушинках утопая, / Вдруг задумалась она» [Соловьева: 34]; «Но Шерстинку мучит совесть. / Стоит ей покражи повесть / Перебрать в уме своем, / <...> Как у ней поникнут ушки» [Соловьева: 47]. Всё это приводит к тому, что в главке 6 (следующей за возвращением Дуняши и Юли с прогулки) мыши и вовсе раскаиваются в содеянном: «К куклам мы явились в гости / И, найдя плохой обед, / Обезумели от злости, / Натворили много бед» [Соловьева: 47]. Чтобы загладить вину, они встречаются с хозяйкой кукол и ее нянюшкой и договариваются, что отныне Шерстинка будет подметать полы в доме и чинить для Юли чулки, тем самым закладывая зерно добрососедских отношений.

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.
Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбы»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

Как видим, Соловьева выводит в своей сказке образ здравомыслящего пролетария, пусть импульсивного, вспыльчивого и немного грубого (вспомним ругательства, которыми сыплет Хруп-Хруп), однако способного к рефлексии, признанию собственной вины и стремящегося к дружескому соседству. Наравне с дидактической посылкой, адресованной маленькому читателю (которого следует научить, что признавать вину и мириться совсем не плохо), здесь прослеживается и робкий призыв к будущим революционным властям, который не был (да и не мог быть) услышан.

Для П. С. Соловьевой, сестры религиозного философа и автора духовных стихов, был, несомненно, важен и еще один мотив — библейский. В ее версии сказки во главу угла ставятся неухоженность и запустение домика, а приход в него неожиданных гостей и разгром становится перерождением и спасением.

В начальных строках ее версии домик кукол, как и у Поттер, изображен в позитивном ключе. Он чист, опрятен и залит солнцем: «<...> чтоб было в нем светло, / В рамы вмазано замазкой / Настоящее стекло» [Соловьева: 3–4]. Вводит Соловьева и важную цветовую деталь, которая отсутствует у Поттер, а именно — отмечает цвет крыши домика: «Под зеленой крышей скатной» [Соловьева: 3]. Здесь важно понимать авторский символизм. В XIX и начале XX в. зеленая крыша — характерная черта русского деревенского храма¹. Примеры тому встречаем, например, в «Отрочестве» Л. Н. Толстого: «Вон далеко за оврагом виднеется на светло-голубом небе деревенская *церковь с зеленой крышей*; вон село, красная крыша барского дома и зеленый сад» [Толстой: 79]. Фрагмент этот был популярен и перепечатывался в школьных хрестоматиях [см., напр.: Мартыновский: 376]. Из более современной литературы можно упомянуть очерк Ф. Д. Крюкова «Без огня», опубликованный в «Русском богатстве» в 1912 г.: «Из-за гребня выглядывала *зеленая крыша церковки*, сверкала белостенная дачка с узорчатыми башенками и кружевными беседками» [Крюков: 321].

Однако из-за безделья и лени кукол этот опрятный дом быстро оказывается запущен. Ленъ, царящая в домике, описана Соловьевой

¹ На эту особенность обращали внимание многие иностранные путешественники, поэтично уподобляя увиденные ими православные церкви березам [см., напр.: Taylor: 370].

как заразный недуг: «Но, должно быть, Юли лень / И Дуняшу заразила» [Соловьева: 6]. С первых же строк ощущается ее пагубное воздействие: «Дом-то весь у вас в пыли» [Соловьева: 5]; «Проходили дни, недели, / А порядка в доме нет» [Соловьева: 7]. Запущенность, покинутость дома поэтесса подчеркивает всевозможными средствами: «Солнце светит так умильно, / А внутри печально, пыльно» [Соловьева: 13]; «Если пусто всё внутри, / Грустно, что ни говори» [Соловьева: 12]. Чтобы усилить эффект, Соловьева прибегает к олицетворениям¹, изображая покинутое хозяйками жилище: «Дом в раздумье одиноком / Вслед глядел стеклянным оком» [Соловьева: 12]; «И забытый куклин дом / Засыпал унылым сном» [Соловьева: 14]. Наконец, прибегает она и к авторским сравнениям: «На кровати одеяло, / Словно листик розы вялой» [Соловьева: 13]. (Напомним, что в Библии роза ассоциируется с непорочностью и чистотой, которые здесь оказываются поруганы.) Подробно описав царящую в жилище кукол запущенность, писательница прямо высказывает свою основную мысль: «Словом, куклин дом в беде» [Соловьева: 13].

Заметим, что у Поттер, стремившейся минимизировать мораль в своей сказке и не пытавшейся научить читателя заботе о чистоте, этот мотив отсутствует. Домик кукол у нее — неизменно опрятный и даже подчеркнуто, что в дымоходе, по которому лезет на крышу Том-с-Пальчик, «совсем не было сажки» [Поттер]. Как следствие, возмущение мышек вызывает только фальшивая еда, о чем уже подробно говорилось выше.

Совсем иное видим в версии Соловьевой. Пришедшие в домик Шерстинка и Хруп-Хруп немедля (еще до разочарования ненастоящей едой) дают ему негативную, пусть пока еще сдержанную, оценку: «А как пыльно! Видно, щетка / Не гуляла здесь давно» [Соловьева: 20]; «<...> держать так дом не след» [Соловьева: 20]. Впоследствии, по мере всё большего огорчения, оценки их становятся резче: «Пыль и грязь везде кругом. / Препротивный куклин дом!» [Соловьева: 25]. Дом мышей, напротив, опрятен и чист, а в семье царят мир и взаимопомощь: «Щеткой пол / Старший сын изрядно мел / Дочка тонкой нежной лап-

¹ Это в целом распространенный мотив в педагогике и дидактической литературе: читающему или слушающему ребенку проще отождествить с живым существом, нежели с предметом или абстракцией.

кой / Пыль стирала чистой тряпкой» [Соловьева: 44]. Потому грязь и пыль, встречающие их в кукольном домике, вызывают у мышей праведный гнев.

В Библии мыши многократно упоминаются как животные, связанные с наказанием и нечистотой (см., напр.: Лев. 11: 29; Ис. 66: 17)¹. Однако Соловьева в своей версии сказки «переворачивает» этот мотив. Как мы видим, ее героини тяготеют к опрятности, недовольны грязью и неухоженностью. Их появление рассказчик описывает как благоволение милостивой судьбы («Но судьба нас *пожалела*» [Соловьева: 10]; «Расскажу я вам о том, / Как *спасен* был куклин дом» [Соловьева: 10]). Сами же мыши представлены не хулиганами, как у Поттер, но богобоязненными зверьками, поминающими с благодарностью имя Божие [см.: Соловьева: 51] и вершащими в Его благую волю, что и подчеркивается в финальных словах нянюшки: «Мышь ведь тоже *Божий зверь*» [Соловьева: 71].

Все это позволяет читать рассказ Соловьевой, с одной стороны, как развитие притчи о пшеничном зерне, которое «если не умрет, то останется одно» (см.: Ин. 12: 24), но применительно к «одинокому» домику, с другой же — как переосмысление слов Христа о нечистом духе, который, выйдя из человека, не находит места, возвращается в покинутый дом — и когда, «придя, находит его незанятым, выметенным и убранным», возвращается с семьей злейшими духами, которые, «войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12: 42–44). Антонимом «нечистых духов», являющихся в «выметенный и убранный» дом, здесь становятся мыши, приходящие в дом запущенный и разоряющие его, что оборачивается, однако, для него парадоксальным спасением. Отсюда, вероятно, и катарсическое осознание героинями произошедшего, когда кукла Юля, вернувшись с прогулки, «смотрит без тоски / На разбитые куски» [Соловьева: 41]. Упоминает Соловьева и недоумение рассказчика по поводу радости кукол, умело употребляя притом библейскую лексику: «Эту *кротость*, эту ясность / Никогда я не пойму, / Точно мир и безопасность, / Как всегда, в ее дому» [Соловьева: 42]. То, что неясно для рассказчика, очевидно, понятно самой поэтессе (а вместе с ней — и читателям).

¹ В то же время, подчеркивается и их мудрость; ср., к примеру: «Горные мыши – народ слабый, но ставят дома свои на скале» (Притч. 30: 26).

Как видим, в текстах двух писательниц развиваются совершенно разные смысловые стратегии. Если Поттер в первую очередь обращается к образу проказливых мышек, позволяющих ей создать потешные для ребенка коллизии, а также запечатлеть своих героев-зверьков в необычном, кукольном антураже, то Соловьева вводит дополнительные коллизии и метафорические смыслы, углубляя эту историю и представляя ее в новых контекстах (мотивы возмездия, искупления, перерождения через гибель и проч.). Некоторые смежные трактовки (мотивы «взбесившейся черни», фальшивой семейной жизни и проч.) оказываются по-разному реализованы, исходя из биографических особенностей писательниц, их внутренних надеж и тревог, окружавшей их обстановки. Поле, на котором разворачиваются эти сюжеты, становится мир городской усадьбы, представленный в миниатюре и оттого воспринимающийся чуть комически; это дает возможность легче и ненавязчивей донести до читателя глубокие мысли, которые были заложены авторами в текст и во многом оказались провиденциальными — особенно в случае Соловьевой. В своей веселой сказке она словно предугадала скорую гибель мира русской усадьбы, — а уроки, которые она робко пыталась в нее вложить, оказались никем не услышаны.

Список литературы Источники

Горький М. Собр. соч.: в 16 т. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. Т. 2. 352 с.

Крюков Ф. Д. Рассказы. Публицистика. М.: Сов. Россия, 1990. 578 с.

Поттер Б. Сказка о двух нехороших мышках / пер. с англ. Н. М. Демуровой // Поттер Б. Четыре сказки / пер. с англ. Н. М. Демуровой и И. Я. Бернштейн. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/1/chetyre-skazki.html> (дата обращения: 28.06.2025).

Русские писатели в выборе и обработке для школ / сост. В. Мартыновский. Одесса: Тип. А. Шульце, 1898. 489 с.

Соловьева П. (*Allegro*). Куклин дом / рисунки Б. Поттер. СПб.: Изд-во «Тропинка» П. Соловьевой и Н. Манасиной, 1916. 74 с.

Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / изд. подгот. Л. Д. Опульская. М.: Наука, 1978. 528 с.

Huntington H. A Tragedy in the Garret // St. Nicholas. April 1882. P. 465–467.

Potter B. Sketchbook (1875). 34 p. URL: <https://www.vam.ac.uk/articles/beatrix-potters-first-sketchbook-aged-8#?xywh=8892%2C1353%2C2496%2C3711&cv=12> (дата обращения: 28.06.2025).

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.
Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбки»
в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

Potter B. The Tale of Two Bad Mice. L.: Frederick Warne & Co., 1904. 85 p.

Taylor B. Greece and Russia. N.Y.: G.P. Putnam, 1859. 426 p.

Исследования

Велигорский Г. А. «Ну а Кроля не таков»: литературные сказки Б. Поттер в переводах П. С. Соловьевой («Приключения Кроли», «Куклин дом»). Статья первая // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 251–261.

Велигорский Г. А., Кузнецова Е. В. «Ну а Кроля не таков»: литературные сказки Б. Поттер в переводах П. С. Соловьевой («Приключения Кроли», «Куклин дом»). Статья вторая // Новый филологический вестник. 2024. № 4 (71). С. 320–331.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 472 с.

Рассказова Л. В. Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2 (15). С. 44–50.

Русакова В. Стиль «винтаж» в женской одежде 1900–1920 годов. URL: <https://istylemag.com/stil/stil-vintazh-v-zhenskoy-odezhde-1900-1920-godov-foto> (дата обращения: 28.06.2025).

Armstrong F. The Dollhouse as Ludic Space, 1690–1920 // Children's Literature. 1996. Vol. 24. P. 23–54.

Carpenter H. Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature. Boston: Houghton Mifflin Company, 1985. 276 p.

Carpenter H. Excessively Impertinent Bunnies: The Subversive Element in Beatrix Potter // Children and Their Books: A Celebration of the Work of Iona and Peter Opie / ed. by G. Avery and J. Briggs. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 271–298.

Charlton J. Croquet: Its History, Strategy, Rules, and Records. Lexington (MA): S. Greene Press; N.Y.: Viking Penguin, 1988. 161 p.

Children's Literature and Culture of the First World War / ed. by L. Paul, R.R. Johnston, E. Short. L.; N.Y.: Routledge, 2016. 366 p. (Ser. "Children's Literature and Culture")

DeWilde M. L. Victorian Restriction, Restraint, and Escape in the Children's Tales of Beatrix Potter: Master's Thesis. Allendale (MI), 2008. 88 p.

Kelly M. The Women Who Saved the English Countryside. New Haven (CT): Yale University Press, 2022. 320 p.

Kutzer D. Beatrix Potter: Writing in Code. L.: Taylor & Francis, 2013. 193 p.

Lane M. The Tale of Beatrix Potter: A Biography. L.; N.Y.: Frederick Warne & Co., 1946. 175 p.

Lear L. J. Beatrix Potter: A Life in Nature. N.Y.: St. Martin's Press, 2007. 583 p.

Linden J. Understanding Children's Play. Oxford: Nelson Thornes, 2001. 194 p.

Rahn S. Tailpiece: The Tale of Two Bad Mice // Children's Literature. 1984. Vol. 12. P. 78–91.

Wei-Ning Chen. To the Dolls' House: Children's Reading and Playing in Victorian and Edwardian England: PhD Thesis. London, 2014. 335 p.

References

Veligorskii, G. A. “‘Nu a Krolia ne takov’: literaturnye skazki B. Potter v perevodakh P. S. Solov’evoi (‘Priklucheniia Kroli’, ‘Kuklin dom’). Stat’ia pervaiia” [“‘Well, The Rabbit Is Not Like That’: B. Potter’s Literary Fairy-Tales Translated by P. S. Solovyovoy (‘Rabbit’s Adventures’, ‘The Doll-House’). The First Article]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (66), 2023, pp. 251–261. (In Russ.)

Veligorskii, G. A., and E. V. Kuznetsova. “‘Nu a Krolia ne takov’: literaturnye skazki B. Potter v perevodakh P. S. Solov’evoi (‘Priklucheniia Kroli’, ‘Kuklin dom’). Stat’ia vtoraiia” [“‘Well, The Rabbit Is Not Like That’: B. Potter’s Literary Fairy-Tales Translated by P. S. Solovyovoy (‘Rabbit’s Adventures’, ‘The Doll-House’). The Second Article]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 4 (71), 2024, pp. 320–331. (In Russ.)

Likhachev, D. S. *Poeziia sadov: k semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens: Towards the Semantics of Garden and Park Styles. Garden as Text]. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 472 p. (In Russ.)

Rasskazova, L. V. “Razgrom dvorianskikh usadeb (1917–1919): ofitsial’nye dokumenty i krest’ianskie praktiki” [“The Destruction of Noble Estates (1917–1919): Official Documents and Peasant Practices”]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, no. 2 (15), 2010, pp. 44–50. (In Russ.)

Rusakova, V. *Stil’ “vintazh” v zhenskoi odezhde 1900–1920 godov* [Vintage Style in Women’s Clothing of the 1900s–1920s]. Available at: <https://istylemag.com/stil/stil-vintazh-v-zhenskoy-odezhde-1900-1920-godov-foto> (Accessed 28 June 2025). (In Russ.)

Armstrong, Frances. “The Dollhouse as Ludic Space, 1690–1920.” *Children’s Literature*, vol. 24, 1996, pp. 23–54. (In English)

Carpenter, Humphrey. *Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children’s Literature*. Boston, Houghton Mifflin Company Publ., 1985. 276 p. (In English)

Carpenter, Humphrey. “Excessively Impertinent Bunnies: The Subversive Element in Beatrix Potter.” Avery, Gillian, and Julia Briggs, editors. *Children and Their Books: A Celebration of the Work of Iona and Peter Opie*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1990, pp. 271–298. (In English)

Charlton, James. *Croquet: Its History, Strategy, Rules, and Records*. Lexington (Mass.), New York, S. Greene Press Publ., Viking Penguin Publ., 1988. 161 p. (In English)

Paul, Lissa, Rosemary R. Johnston, and Emma Short, editors. *Children’s Literature and Culture of the First World War*. London, New York, Routledge Publ., 2016. 366 p. (In English)

DeWilde, Mandy L. *Victorian Restriction, Restraint, and Escape in the Children’s Tales of Beatrix Potter: Master’s Thesis*. Allendale (MI), 2008. 88 p. (In English)

Kelly, Matthew. *The Women Who Saved the English Countryside*. New Haven (CT), Yale University Press Publ., 2022. 320 p. (In English)

Kutzer, Daphne. *Beatrix Potter: Writing in Code*. London, Taylor & Francis Publ., 2013. 193 p. (In English)

Lane, Margaret. *The Tale of Beatrix Potter: A Biography*. London, New York, Frederick Warne & Co., 1946. 175 p. (In English)

Lear, Linda J. *Beatrix Potter: A Life in Nature*. New York, St. Martin’s Press Publ., 2007. 583 p. (In English)

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.

Г. А. Велигорский. «Пусть погибнет куклин дом!»: образ игрушечной «усадьбки» в «Сказке о двух нехороших мышках» Б. Поттер и стихотворном переложении...

Linden, Jennie. *Understanding Children's Play*. Oxford, Nelson Thornes Publ., 2001. 194 p. (In English)

Rahn, Suzanne. "Tailpiece: The Tale of Two Bad Mice." *Children's Literature*, vol. 12, 1984, pp. 78–91. (In English)

Wei-Ning Chen. *To the Dolls' House: Children's Reading and Playing in Victorian and Edwardian England: PhD Thesis*. 335 p. (In English)